

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

Н. И. ЗИБЕР

(К 60-летию со дня смерти)

Шестьдесят лет назад умер один из первых в России пропагандистов экономического учения Карла Маркса, экономист и этнограф Николай Иванович Зибер. Его короткая жизнь (1844—1888) оставила глубокий след в науке — в политической экономии и в этнографии. В области экономической теории Зибер более чем кто-либо другой из его русских современников близко подошел к марксизму; он правильно воспринял экономическое учение К. Маркса, но диалектика исторического развития не была им усвоена достаточно отчетливо, и поэтому, в особенности в первые годы научной деятельности, эволюционная теория оказывала значительное влияние на его теоретические построения. К концу XIX в. появились русские теоретики марксизма, и после работ Г. В. Плеханова и В. И. Ленина теоретические построения Зиберы могли считаться уже пройденным этапом. Но и Плеханов и Ленин не забыли о Зибере — они неоднократно ссылались в своих работах на первого популяризатора марксизма.

Н. И. Зибер занимался в свое время исследованиями в области первобытного права. Он раньше М. Ковалевского обратил внимание на древнейшие формы поземельных отношений; правда, М. Ковалевский ушел гораздо дальше Зиберы в теоретическом исследовании происхождения соседской общины и еще дальше — в области обычного права. Но Зибер вскрыл более глубокие, древнейшие пласты земельных отношений, уходящие в первобытность; он доказал существование коллективных форм владения землей у всех народов на ранних ступенях общественного развития и своими исследованиями занял ведущее место в общей этнографии. Можно сказать, что Зибер-этнограф, исследователь экономики первобытного общества, пережил Зиберу-экономиста.

Н. И. Зибер родился в 1844 г. в г. Судак, в Крыму, учился в гимназии в г. Симферополе, а затем поступил на юридический факультет Киевского университета. Студенческие годы Зиберы совпали с эпохой проникновения в Россию марксистских идей. Это было вскоре после крестьянской реформы 1861 г., когда прогрессивная часть русской интеллигенции горячо обсуждала вопрос о дальнейшем пути общественного развития России и когда деление на «западников» и «славянофилов» оказалось уже слишком примитивным для услож-

нившихся политических отношений. Самым злободневным вопросом ожесточенных студенческих дискуссий того времени (и не только студенческих, потому что дискуссии охватывали все передовые круги русского общества) был спор о том, неизбежно ли развитие капитализма в России и может ли страна избежать этой перспективы путем государственных мероприятий, поддерживающих и укрепляющих «самобытные» черты русской экономической жизни, среди которых на первое место выдвигалась крестьянская община. Проникшие в Россию, несмотря на цензурные рогатки, и широко рецензированные прогрессивной периодической печатью работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», К. Маркса «Ницета философии», К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии» и К. Маркса «К критике политической экономии» познакомили передовые круги русской интеллигенции как «западнического», так и «народнического» толков с идеями марксизма. Н. И. Зибер имел возможность ознакомиться с гениальными творениями основоположников марксизма в подлиннике, и идеи исторического материализма захватили его полностью. Молодой студент увидел все величие этой стройной научной системы, раскрывающей действительные законы общественного развития, выводящей науку об обществе из области эмпирики и идеалистических построений в мир точных знаний. В лице Н. И. Зиберы марксизм получил горячего защитника и популяризатора. Правда, на первых порах Зибер несколько упрощал основы марксова учения, и народники ему приписывали, вероятно несколько утрированно, выражение, будто для прогресса России русский крестьянин обязательно должен «вывариться в фабричном котле», но тем не менее положительное значение зиберовской пропаганды марксизма нельзя отрицать и умалять. Познакомившись с марксовой работой «К критике политической экономии», Зибер понял, что экономическое учение К. Маркса может стать для него ключом к разрешению жгучих проблем русской современности. Он проникся убеждением в неизбежности развития капитализма в России и вполне реалистично оценил утопичность народнических теорий о русской крестьянской общине, как панацее от зол капитализма. В отличие от «легальных марксистов», бывших по существу лишь буржуазными демократами, «для которых разрыв с народничеством означал переход от мешанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму», — как писал в свое время Ленин¹, и которые, восприняв из учения марксизма лишь положение о прогрессивности капиталистического развития (по сравнению с феодализмом и крепостничеством), стали в конце концов прямыми апологетами капитализма, — Зибер в течение всей своей сознательной жизни защищал угнетенных, а не угнетателей. Правда, он, считавший «Манифест Коммунистической партии» знаменем времени, тем не менее не вполне разбирался в сущности и неизбежности классовой борьбы и не мог понять ее революционного значения, — это было, вероятно, следствием того, что он жил в замкнутой интеллигентской среде, без непосредственной связи с трудовыми массами. Но он искренне сочувствовал всем эксплуатируемым, презирал эксплуататоров, возмущался несправедливостью, ратовал за демократию — только делал это не как революционер, а как гуманист, — во имя любви к человечеству. Это делало поведение Зиберы несколько наивным, вносило донкихотские черты в его характер, но устраняло всякое делячество и приспособленчество. Всегда искренний, отзывчивый, увлекающийся хорошей идеей, Н. И. Зибер был глубоко принципиальным человеком, готовым на большие жертвы и лишения ради того, что он считал морально и политически правильным.

¹ В. И. Ленин, За 12 лет, Предисловие.

По окончании университета Н. И. Зибер, получивший звание кандидата прав, был назначен мировым посредником на Волынь, где проработал недолго. Здесь он соприкоснулся непосредственно с крестьянской жизнью, с бытом мелкого городского люда и стал разрабатывать программу экономического обследования деревни. Вероятно, в этот период Н. И. Зибер ознакомился с немецким изданием «Капитала» К. Маркса и под влиянием этой работы решил специализироваться в области теоретической экономики. В 1871 г. диссертация на тему «Теория ценности и капитала Д. Рикардо, в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» была закончена и блестяще защищена. Об этой работе К. Маркс писал: «Еще в 1871 г. Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, исследовал в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» основные положения моей теории стоимости денег и капитала, рассматривая их как необходимое развитие учения Смита — Рикардо. При чтении этой ценной книги западно-европейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой теоретической точки зрения»².

Получив ученую степень магистра политической экономии, Зибер выехал в научную командировку за границу и там завязал связи с крупнейшими учеными и передовыми политическими деятелями. Встречался он и с К. Марксом, который позже проконспектировал первую статью Зибера об экономической теории марксизма, предназначенную для журнала «Слово». Маркс с большой симпатией относился к русскому ученому.

В 1873 г. Зибер вернулся в Киев и был зачислен доцентом университета по кафедре политической экономии и статистики. Преподавать ему пришлось менее двух лет; за это время он окончательно подготовил свою программу статистико-экономического обследования крестьянского хозяйства, использованную прогрессивными кругами земства для постановки народной статистики. В 1875 г. ближайший друг Н. И. Зибера, доцент по кафедре истории М. П. Драгоманов, украинофил-историк и фольклорист, подвергся преследованиям царского правительства за связи с зарубежными украинцами и был уволен из университета. Н. И. Зибер был возмущен этим увольнением и в виде протеста подал в отставку и выехал за границу, поселившись в Швейцарии, где в то время существовала довольно большая колония русских политических эмигрантов. Вернулся Зибер на родину только через 9 лет (1884) в тяжелом состоянии, безнадежно больным и неспособным к работе. Он умер в Ялте в 1888 г.

В своем добровольном изгнании Н. И. Зибер продолжал писать в русские журналы, подготовлял новые книги, которые опубликовывал в России. В 1876 г. он поместил в журнале «Знание» две статьи об экономической теории К. Маркса, в 1877 г. — еще одну статью на ту же тему. В 1878 г. в журнале «Слово» он напечатал последовательно четыре статьи, в которых ознакомил читателя с основными положениями первого тома «Капитала» К. Маркса. В том же году в журнале «Отечественные записки» появилась его статья против Ю. Жуковского, критиковавшего Маркса, а в 1879 г. в журнале «Слово» — статья против Б. Чичерина, критиковавшего марксизм с реакционных позиций. Пропагандистская деятельность Зибера по распространению в России идей марксизма создала ему большую известность среди прогрессивной интеллигенции того времени.

Кроме крупных исследований по теории политической экономии, — последней его работой в этой области было исследование под назва-

² К. Маркс. Капитал, т. I, Госиздат, Л.—М., 1930, Послесловие ко второму изданию, стр. XXXVIII.

нием «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885), представлявшее радикально переработанную магистерскую диссертацию 1871 года,—Зибер незадолго до своей болезни, а именно в 1883 г., поместил в трех номерах журнала «Русская Мысль» большую статью «О влиянии прогресса на бедность» и в журнале «Юридический Вестник» (тоже в трех номерах) статью «Общественная экономия и право». Зибер опубликовал в русских журналах много статей-рефератов, знакомивших русского читателя с новейшей западноевропейской экономической и этнографической литературой. Эта популяризаторская деятельность ученого была одной из форм тогдашней публицистики, дававшей возможность, в обход цензурным правилам, распространять среди населения идеи, которые не могли быть высказаны в другой форме.

Н. И. Зибер, будучи за границей, всегда жил интересами своей родины. «Он любил ее мучительной любовью русского интеллигента,—писал в своих воспоминаниях о Зибере либеральный публицист Д. Н. Овсяннико-Куликовский.—На события русской жизни он реагировал великим гневом и великою скорбью. Правительственная реакция той эпохи, в особенности репрессии и казни 1879—1881 гг., возмущали его до глубины души. Я видел его плачущим, когда однажды зашла речь о казни С. Перовской, Желябова и др. Террористических актов он не одобрял, хотя допускал их психологическую — фактическую неизбежность»³.

Народническая идеология была чужда этому раннему русскому марксисту. Он понимал, что капитализм развивается в России не в силу злой воли отдельных лиц, а как результат закономерного хода общественного процесса. Поэтому Зибер, по словам Овсяннико-Куликовского, отрицал «спасительность так называемых коренных «начал» или «устоев» русской жизни. Народничество он отвергал всецело; крестьянская община была в его глазах лишь жалким пережитком прошлого, обреченным на гибель»⁴. И Зибер оказался прав: капитализм через несколько десятилетий достиг громадного развития, капиталистические отношения проникли в русскую деревню, и вопрос о крестьянской общине, как панацее от капитализма, отпал сам собой. Но капитализм в России был переходной фазой общественного развития,—он создал экономические и политические предпосылки для формирования другого, более совершенного строя и в лице рабочего класса подготовил сам себе могильщика.

В своей идеологической борьбе против народничества Н. И. Зибер опирался на наиболее передовую науку — марксизм. Он твердо усвоил основное положение этой науки, сформулированное Марксом в «К критике политической экономии»: в основе всякого общественного развития лежит способ производства материальной жизни, который обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще; не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Зибер, правда, не мог правильно понять марксову диалектику и потому совершенно не замечал тех высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса, которые касались вторичного, обратного воздействия общественного сознания на бытие; поэтому он несколько упрощенно понимал значение экономического базиса, придавая ему характер универсальной отмычки для вскрытия всех социальных законов. Но самый тип мышления Н. И. Зибера, сказавшийся уже в первой его научной работе, обратившей внимание К. Маркса, отличался необычайной прямолинейностью и логичностью. Экономический аспект всех исследований, приме-

³ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания, П., 1923, стр. 147.

⁴ Там же, стр. 147.

нявшийся Зибером в области общественных явлений и проводившийся им с большой последовательностью, давал ему возможность находить ключевые позиции для разрешения таких проблем, которые были совершенно непосильны для идеалистически мыслящих ученых и политиков. Одной из таких проблем была будущая судьба русской общины. Народническая теория исходила из идеи «прирожденности» этой общественной формы русскому народу, — отсюда следовало, что уничтожение общины противоречит всему историческому развитию русского народа и что все явления, содействующие уничтожению общины, вызывающие распад этой «исконной», специфически русской общественной формы, чужды русским «началам». Н. И. Зибер подверг сомнению основной тезис народников — об «исконности» и «специфичности» крестьянской общины в России. Он решил самостоятельно проанализировать исторический и этнографический материал, относящийся к общинному землевладению и древнейшим формам земельной собственности. В основу исследования Зибер намеревался положить не отвлеченные рассуждения об идее собственности на землю, а установление тех экономических отношений, которые приводят к такой собственности. Так возник у Н. И. Зибера интерес к вопросам первобытного права вообще и к первобытным земельно-правовым отношениям, в частности.

Находясь за границей и имея возможность пользоваться книжными фондами лучших западноевропейских библиотек, Зибер приступил к изучению материалов, касающихся землепользования и форм земельной собственности европейских и внеевропейских народов. К сожалению, в книжных фондах европейских библиотек того времени почти полностью отсутствовали сведения о землепользовании у народов России, вследствие чего исследователь принужден был поставить Россию вне круга своих работ. В результате этих изысканий Н. И. Зибер написал ряд статей, опубликованных затем в русских журналах и вошедших после смерти автора в собрание его сочинений. Статьи эти, под разными названиями: «История швейцарской альменды», «Община и государство в Нидерландской Индии», «Судьбы общинного землевладения в Швейцарии», «Крестьянская община в Эльзасе», «Распределение земельной собственности в Германии», «Первоначальная недвижимая собственность» и др. касались вопроса о том, как сформировалась крестьянская община, как создавалась первоначальная собственность на недвижимость и что ей предшествовало. Автор статей доказывал, что индивидуальная недвижимая собственность является «вторичным фактом в истории общества», новой идеей, «которая постепенно развилась из коллективного права на землю»⁵. Зибер доказывал это положение множеством примеров, взятых из обычного права древних и современных европейских народов, народов Индии и Индонезии, анализом юридических актов римского права, законодательных постановлений европейского средневековья. Из этих примеров Зибер делал вывод, что общинное и коллективное владение землей предшествовало частной собственности на землю и что только разложение древнейшего общинного права привело к образованию частных земельных владений. Автор широко использовал в своих доказательствах метод пережитков и мастерски вскрыл первоначальные формы коллективного владения землей и существование общинных порядков землепользования в средние века в таких европейских странах, как Швейцария, Эльзас и др. Н. И. Зибер пришел к выводу, что тезис русских народников о существовании общинного землевладения только у русских крестьян неправилен, ибо подобные же формы землевладения и землепользования существовали в прошлом у других народов славянского и неславянского происхождения. Общинное землевладение, утверждал Зибер, было

⁵ Н. И. Зибер, Собрание сочинений, т. I, СПб., 1900, стр. 27.

лишь одной из форм стадияльного развития поземельных отношений у разных народов и потому не могло считаться «исконно-русским».

Среди упомянутых статей особое значение, пожалуй, имела работа Зибера об общине и государстве в Нидерландской Индии. В своих исследованиях поземельных отношений в древности и в средние века Н. И. Зибер пользовался главным образом источниками обычного права и широко применял для анализа этих источников метод пережитков и сравнительно-исторический метод; в этих методах заключалось много элементов реконструкции и логических допущений. Будучи не только исследователем обычного права, но и экономистом, Зибер понимал некоторую абстрактность своих доказательств и поэтому искал более бесспорные, реально существующие в настоящее время примеры общинного землевладения в тех странах, где капитализм еще не успел окончательно уничтожить следы прежних общественных отношений. В 1880 г. ему удалось отыскать необходимый материал, выводы из которого были опубликованы им в 1881 г. в журнале «Отечественные записки» в большой статье «Община и государство в Нидерландской Индии». В этой статье Зибер, пожалуй, впервые, выступает как этнограф, но он приходит в этнографию уже с выработанными навыками научного исследования в области экономики и обычного права. Это обстоятельство предопределило направление его этнографической работы: Н. И. Зибер не занимается описательной этнографией, его не увлекают частности и локальные особенности, он ищет обобщений, раскрытия стадияльных форм, линий и ступеней развития, т. е. идет по тому же пути, по которому направлялся Л. Морган и который завершил Ф. Энгельс. Это путь широких теоретических обобщений, основанных на конкретном этнографическом описательном материале.

В упомянутой статье Зибер подверг анализу земельные отношения и формы землевладения на островах Индонезии. «Давно уже замечено,— писал он,— что острова Индийского Архипелага представляют единственное в своем роде соединение условий для изучения развития различных форм общественных союзов. На небольшом сравнительно пространстве здесь можно встретить последовательный ряд различных ступеней культуры, начиная от стадного соединения бродячих дикарей-охотников, и кончая довольно сложной, хотя и грубою оседлою цивилизацией»⁶. Различие стадий развития дает возможность одновременного наблюдения отживающих и развивающихся форм во всех областях общественной жизни и прежде всего в экономике. На островах Индонезии в то время имелось несколько форм землевладения: с одной стороны, общинная собственность на землю, коллективные формы землепользования; с другой стороны, частная собственность на землю, крупное и мелкое землевладение, арендные отношения. Существовали и промежуточные формы земельной собственности, связанные с феодальным землевладением и одновременным существованием крестьянской общины. Зибер дал четкую характеристику всем этим формам и показал историческое происхождение каждой из них. Наиболее древней формой являлось, как доказал Зибер, общинное владение землей и коллективное пользование ею. Наиболее же распространенной в XIX в. формой было феодальное землевладение с одновременным существованием зависимой от феодалов крестьянской общины, обрабатывающей землю при помощи небольших семейных коллективов, которые получали от общины ежегодно наделы, с условием уплаты в пользу феодала различных натуральных и денежных повинностей. Периодические переделы земли, подушный принцип распределения наделов, постоянный состав землепользователей и многие другие явления, существовавшие в дессе (яванской земельной общине), необычайно сближали эту индонезийскую форму землепользования со строем русской общины нака-

⁶ Н. И. Зибер, Собрание сочинений, т. I, СПб., 1900, стр. 49.

нуне аграрной реформы 1861 г. Так же, как и в русской общине, земельный фонд дессы делился на две части: на земли, находящиеся в общем пользовании, и на земли индивидуального пользования. В общем пользовании русской крестьянской общины были выгоны, луга, водопои, местные леса. В общем пользовании яванской дессы — пустоши, заросли (в которых выпасался скот), леса, водоемы, основные каналы оросительной сети, купальные места, рынки, дороги. Индивидуальные участки, обрабатывавшиеся отдельными семьями, и в общине и в дессе состояли прежде всего из пахотных участков и прочей обрабатываемой земли (огородов), плодовых деревьев, находящихся на приусадебных участках. И так же, как в русской общине середины XIX в., в яванской дессе появилось частное крестьянское землевладение — это были участки, купленные у помещика отдельными общинниками или посторонними общине людьми. Появление таких частнособственнических участков было показателем начинающегося разложения общины, предвестником ее близкого распада.

В настоящее время, когда русская крестьянская община отошла в прошлое и когда правота русских марксистов, боровшихся против народников, доказана всем ходом исторического развития, выводы Зибера о стадильности общинно-поземельных отношений не являются более предметом спора. Но в то время, когда писал Зибер свою статью об яванской дессе и ряд других статей об общинном землевладении, его выводы были встречены народнической публицистикой враждебно. Она оспаривала правильность зиберовского анализа, она пыталась — из-за отсутствия научных доводов, равноценных доводам русского марксиста, — перевести спор из области историко-экономических категорий в область морально-политическую. Русские народники втянули в спор об общине и К. Маркса, апеллируя к его революционным чувствам: известно, что виднейший публицист народнического толка Николай Даниэльсон и Вера Засулич просили Маркса высказаться по вопросу о русской общине, надеясь противопоставить его авторитет русским молодым марксистам. К. Маркс по существу подтвердил мнение русских марксистов о судьбе русской общины: «С самого так называемого освобождения крестьян русская община была поставлена государством в ненормальные экономические условия, и с тех пор оно не переставало угнетать ее с помощью сосредоточенных в его руках общественных сил. Обессиленная его фискальными требованиями, она стала беспомощной, легкой добычей эксплуатации торговца, помещика, ростовщика. Это угнетение извне обострило уже происходившую внутри общины борьбу интересов и ускорило развитие в ней элементов разложения. Но это еще не все. За счет крестьян государство выпестовало те отрасли западной капиталистической системы, которые, несколько не развивая производственных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению его плодов непроизводительными посредниками. Оно способствовало, таким образом, обогащению нового капиталистического паразита, который высасывал и без того оскудевшую кровь «сельской общины». Заключение К. Маркса было категоричным: «это стечение разрушительных влияний, если только оно не будет разбито мощным противодействием, должно, естественно, привести к гибели сельской общины»⁷. Противодействию же неоткуда было родиться — весь ход развития шел к разложению русской общины: прогноз Зибера был правильным.

Обратившись для своей статьи об индонезийской общине к этнографическому материалу, Н. И. Зибер обнаружил, как мало сделано еще в этнографической науке в области теоретического обобщения; он за-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII. стр. 685—686.

думал создать большую работу, в которой последовательно можно было бы разобрать все общинные, т. е. коллективные, формы жизни и работы на ранних ступенях общественного развития. Такая работа была закончена им в 1881 г. и появилась в печати под названием «Очерки первобытной экономической культуры» (1883). Это был объемистый труд, размером больше 30 печатных листов, теоретически обобщающий материал, касающийся не только первобытного экономического строя (как значилось в заглавии), но и всего общественного строя — на стадиях, предшествующих классовому обществу. Сознательно отказавшись от включения в эту работу сведений об обществах, ушедших в прошлое, Зибер несколько сузил тему и затруднил для себя выяснение линии развития, ибо весь период дикости (если пользоваться схемой Моргана — Энгельса) оказался вне поля зрения исследователя. В «Очерках» Зибера исследовались лишь те общества, которые можно отнести к периоду варварства или которые находились на грани между варварством и цивилизацией. Кроме того, автор ограничил рамки своего исследования народами внеевропейских стран, считая ненужным повторять «всем известные» сведения о древнейшем быте европейских народов; сведения же о быте тех народов России, которые стояли на примитивных ступенях общественного развития, Зибер не мог получить за границей.

Исключение автором наиболее древней ступени общественного развития из рамок исследования и недостаточное привлечение материала, относящегося к ранним периодам цивилизации, создало для исследователя большие трудности в отношении расположения материала и сказалось в некоторой степени на конечных выводах. И, тем не менее, «Очерки» Зибера дали яркие, убедительные доказательства того, что на ранних ступенях общественного развития «общинные формы хозяйства в их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности»⁸.

При исследовании доклассового общества Н. И. Зибер положил в основу совершенно правильное и бесспорное для марксиста положение, что в основе всякого общественного развития лежит способ производства материальной жизни. Поскольку автор старался ограничить свою тему экономикой (процессом производства, распределения и обмена), в работе этой менее сказалась присущая Зиберу узость в понимании марксизма. Можно утверждать, что в «Очерках» он значительно усовершенствовал свой метод и доказал умение разбираться в историческом своеобразии материалов о жизни разных народов, отказываясь от поспешных выводов, основанных только на сходствах и аналогиях; тем не менее идеи эволюционизма еще продолжали оказывать влияние на его построения.

Работая над «Очерками», Зибер не только подбирал нужный материал, но и проверял существовавшие в его время теории о специфике развития отдельных народов. Не отрицая такой специфики, создававшейся в силу различных географических и исторических факторов, влиявших на культуру и быт народов, русский исследователь не склонен был, однако, приписывать всякое сходство обычаев у разных народов общности их происхождения или заимствованию. Он едко высмеял тех ученых, которые, приступая к изучению народных обычаев, бывали «поражены некоторыми сходствами в нравах и обычаях различных народов и отсюда слишком легко заключали, что или эти народы имели общее происхождение, или эти обычаи были перенесены от одной нации к другой. В наших глазах подобное заключение не вытекает непосредственно из сходства юридических обычаев; часто можно сомневаться, допуская без проверки, что такой-то народ или семейство

⁸ Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры, Соцэкгиз, М., 1937, стр. 3 (Предисловие).

унаследовали обычаи от всех других народов или от всех других семейств; гораздо натуральнее предположить, что человек, подчиненный аналогичным условиям существования, создал сам по себе сходные обычаи в различных местностях и сумел найти для противодействия одним и тем же трудностям одни и те же обычаи и способы действия»⁹. При таком понимании причин сходства многих обычаев у разных народов Зибер, конечно, не мог бы примкнуть ни к антропогеографической школе Ратцеля, ни к сторонникам «культурных кругов», ни к «функционалистам». Но ему оказалось не по пути и с «этнологами-эволюционистами». Популярное в то время учение А. Поста, занимавшегося исследованиями первобытного права и конструировавшего в противовес описательной этнографии «новую науку — этнологию», заинтересовало вначале Н. И. Зибер. Русский ученый ждал от Поста широких обобщений, которых избегали этнографы. Но когда он разобрался в сущности предлагавшегося Постом сравнительно-этнологического метода, то понял, что учение этнологов-эволюционистов не содержит в себе ничего нового и что оно методологически беспомощно. Утверждение Поста о том, что этнологический метод должен быть противопоставлен методу историческому, вызвало глубокое удивление Зибера. «В конце концов,— писал он,— каждый истинный метод должен быть непременно историческим, указывающим генезис известных общественных явлений»¹⁰. Он возражал против утверждений Поста, будто бы исторический метод предполагает изучение явлений только в одной какой-нибудь узкой этнической среде, у одного народа, а метод сравнительно-этнологический будто бы допускает одновременное изучение обычаев нескольких народов. Зибер указывал, что и исторический метод дает возможность изучать общественные явления у разных народов мира, на какой бы ступени развития они ни стояли. «То, что получилось бы в результате надлежащего выполнения подобного исследования, опиралось бы на столь же прочную и верную историческую основу, как и историческое изучение учреждений одного какого-либо народа, и действительная разница между этими двумя путями была бы скорее количественная, нежели качественная, основанная не столько на различии приемов исследования, сколько на большей или меньшей широте научного материала»¹¹, — так формулировал русский исследователь применение исторического метода в этнографии.

Критический разбор методологии западноевропейских «этнологов» и социологов помог Зиберу найти лучший способ применения исторического метода к обобщающим этнографическим работам, который был использован им в исследованиях по экономике первобытного общества.

Н. И. Зибер собрал в «Очерках» очень большой этнографический материал. Из груды словесной шелухи и вымыслов, которыми заполнены сообщения миссионеров, купцов, дипломатов, шпионов и случайных путешественников, Зибер извлек действительно ценные сведения о жизни внеевропейских народов в конце XVIII и начале XIX в.; он расположил отобранный материал по ступеням развития и сделал только такие обобщения, которые непосредственно из этого материала вытекали; он сформулировал только те выводы, которые мог бесспорно доказать, оставив открытыми проблемы, требующие дальнейшего изучения. Исключительная эрудиция автора «Очерков», марксистский метод, которым он пользовался, его величайшая научная добросовестность привели к тому, что и теперь — по прошествии без малого семи десятков лет — «Очерки первобытной экономической культуры» остаются на-

⁹ Н. И. Зибер, Собрание сочинений, т. I, СПб., 1900, стр. 3—4.

¹⁰ Н. И. Зибер, Собрание сочинений, т. II, СПб., 1900, стр. 19.

¹¹ Там же, стр. 20.

стольной книгой каждого этнографа, занимающегося проблемами общей этнографии.

В своих «Очерках» Зибер начинает исследование с форм общественного труда различных внеевропейских народов. Приведа сначала наиболее примитивные формы кооперирования общественного труда (рыбная ловля, общинная охота, пастушество), Зибер переходит к более сложным формам трудовой кооперации — к общинным работам по выжиганию лесов, к работам по орошению земель, сооружению общественных домов, постройке судов, организации общественных запасек, уборке урожая. Сравнение различных обычаев у народов Азии, Африки, Америки, Океании, относящихся к тем или иным формам трудовой кооперации, заставляет Зибера сделать вывод, что простая кооперация труда в тех формах, которые были им описаны, естественно обуславливает совместное потребление всего произведенного и, как следствие — общую собственность на недвижимое и даже движимое имущество. «Служа условием существования первобытного экономического строя, кооперация означенного рода в то же время является источником для зарождения и развития целого ряда нравственных и юридических воззрений, которые часто переживают на многие столетия вызвавшую их к существованию общественно-экономическую организацию, и тем ясно доказывает живучесть и значение лежащих в ее основании начал». Это положение автор развивает дальше на богатом материале, доказывая, что и в более поздние эпохи, на последующих ступенях общественного развития сохраняется полностью или частично коллективное производство и распределение, пережитки которых можно найти даже у народов, имеющих в настоящее время классовый строй.

Содержание «Очерков» известно каждому интересующемуся этнографией читателю, поэтому нет необходимости его здесь излагать. Следует, однако, отметить, что основные взгляды Н. И. Зибера на первобытную экономику вполне совпадали с взглядами Ф. Энгельса, изложенными им в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», хотя работа Энгельса, базировавшаяся на других этнографических и исторических источниках и высказываниях К. Маркса о первобытном обществе, появилась в свет лишь через год после опубликования в России книги Зибера. Такое совпадение основных взглядов не случайно: Зибер был передовым ученым, стоявшим на уровне современных знаний, и поэтому, пользуясь марксистским методом исследования, неизбежно должен был прийти к тем же результатам, что и основоположники марксизма.

Н. И. Зибер, так же как и Ф. Энгельс, придавал особое значение родовым институтам в истории человеческого общества. Он решительно выступил против «патриархальной теории» и на большом этнографическом материале показал, что материнский род является ранней и повсеместной стадией развития родового строя и предшествует патриархату; он убедительно доказал при этом, что матриархат органически связан с коллективным общественным производством. В советской литературе уже отмечалось, что историко-материалистическое миропонимание дало возможность Зиберу научно объяснять такие явления, которые для идеалистически мыслящих ученых оставались загадкой. Так было и с родовым строем. Зибер, например, очень удачно и правильно, впервые в науке, объяснил имевшееся в конкретных обществах смещение матриархальных и патриархальных начал «переходным состоянием общества и происходящей или происшедшей сменой двух исторических порядков, — положение, которое до сегодняшнего дня никак не могут или не хотят усвоить буржуазные этнографы. Крупнейшее значение имеет впервые выставленный Зибером общий тезис, что род вообще является «прежде всего экономической, а потом родовой организацией», тезис подлинно марксистский, в свою очередь чуждый зарубежной

науке, являющийся сейчас для советской этнографии руководящим в исследовании рода»¹².

Отдельные неправильные положения автора «Очерков», касающиеся происхождения собственности на недвижимость и вопроса о так называемой трудовой собственности, вызваны тем, что Зибер не вполне освободился от современных ему буржуазных юридических концепций; можно его также упрекнуть в недооценке классической работы Л. Моргана, что сказалось в преуменьшении Зибером влияния родовых институтов на экономику¹³, но эти отдельные недостатки не могут умалить исключительной ценности всей фундаментальной работы русского ученого о первобытной экономике. Она была и остается образцом этнографического обобщающего исследования, касающегося одного из основных вопросов общей этнографии — вопроса об экономической основе доклассового общества.

Николай Иванович Зибер был первым русским этнографом, наиболее близко подошедшим к марксизму. Хотя в его марксистском мировоззрении были существенные пробелы, ибо он воспринял у К. Маркса главным образом экономическую сторону учения, влияние исторического материализма на всю научную продукцию этого исследователя было решающим. Марксизм дал в руки Зибера самый передовой метод научного исследования общественных явлений, он предохранил ученого от эклектики, сделал его монистом и материалистом. И если основная и самая крупная этнографическая работа Н. И. Зибера не потеряла до сих пор своей научной ценности, то наибольшая заслуга в этом принадлежит тому великому учению, которое, как неугасимый путеводный маяк, указывает ученым, изучающим законы общественного развития, генеральное направление, по которому им следует вести исследование.

¹² М. О. Косвен. И. Я. Бахофен и русская наука. Советская этнография, № 3, 1946, стр. 23.

¹³ См. Предисловие к книге Н. И. Зибера, Очерки первобытной экономич. культуры, М., 1937, стр. IX—XII и XIV—XX.